

4. Комаров В. Л. Избранные сочинения. Т. 7. Флора полуострова Камчатки. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 506 с.
5. Sten Bergman, David N. Collins Through Kamchatka by Dog-sled and Skis: A Vivid Description of Adventurous Journeys // Curzon, 1927. 284 pp.
6. Hege Vardal, Andreas Taeger The life of René Malaise: from the wild east to a sunken island. – Zootaxa 3127: 38–52 (2011)
7. Hulten E. Flora of Kamchatka and the adjacent islands // Kungl. Svenska Vetenskapsakadem. Handl. Ser. 3. Bd. 5. № 1. 1927. 346 p.; № 2. 1928. 218 p.; Bd. 8. № 1. 1929. 213 p.; № 2. 1930. 358 p.
8. Новограбленов П. Т. Путешествие к вулкану Анаун в Срединном хребте в 1929 году // Тихоокеанский комитет АН СССР. Труды. Т. 3. 1932.
9. ГАКК. Ф. 45. Оп. 1. Д. 2. Планы работ, протоколы общего собрания кружка об изучении Камчатки, переписка с русскими и иностранными музеями по вопросам краеведения (29 июля 1926 года – 19 октября 1931 года).
10. Новограбленов П. Т. Алней (материал для его изучения) // Краеведческие записки. Вып. 10. Петропавловск-Камчатский : Камчат. печатн. двор, 1997. С. 241–253.
11. Харитановский А. А. Выдающийся натуралист Камчатки // Вопросы географии Камчатки. Вып. 1. Петропавловск-Камчатский, 1963. С. 9–15.
12. Павлов В. Н., Губанов И. А., Барсукова А. В., Багдасарова Т. В. Гербарий Московского университета. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. 149 с.
13. ГАКК. Ф. 114. Оп. 1. Д. 1–5. Северо-камчатская экспедиция НКЗ РСФСР и ДВКрайзу по устройству народов Севера.

В. Е. Быкасов МОРСКАЯ КОРОВА ИЛИ КУРЬЁЗЫ НАУКИ

Начало изучению морской коровы (*Hydrodamalis gigas*) положили наблюдения Г. В. Стеллера, высадившегося 6 ноября 1741 г. в составе первого отряда моряков из экипажа пакетбота «Св. Пётр» на необитаемом доколе о. Беринга. И хотя немногочисленная популяция «капустницы» была полностью уничтожена спустя всего лишь 27 с половиной лет после первого о ней упоминания (последняя морская корова была убита в 1768 г. – (1)), учёные и краеведы и до сих пор постоянно обращаются к этой теме. Что, впрочем, и понятно, так как это был, пожалуй, самый первый научно установленный факт уничтожения человеком такого крупного животного, каковым была корова Стеллера.

Вот как об этом пишет известный русский учёный XIX в. академик А. Ф. Миддендорф: «Академики наши Бэр и Брандт оказали науке неоценимую услугу тем, что устранили всякое сомнение относительно первого весьма важного примера совершенного истребления человеком одного вида сибирских животных, так называемой Стеллеровой морской коровы...» (7, с. 56).

Впрочем, целью данного исследования является не анализ всех тех данных и обобщений, которые на протяжении вот уже 273 лет приводятся в довольно многочисленной литературе (1, 2, 3, 7, 10, 13). И даже не описание облика и образа жизни самой морской коровы. А всего лишь привлечение внимания к тому факту, относящемуся к анатомии «капустницы», который и до сих пор ускользает из поля зрения исследователей.

Впрочем, прежде чем перейти к делу, замечу, вслед за А. Ф. Миддендорфом, что судьбе угодно было сделать так, чтобы именно такому точному наблюдателю, как Стеллер, наука оказалась обязана отчётливым указанием отличительных признаков морской коровы, измерением частей её тела, описанием её характера и образа жизни. Причём последующие находки более или менее полных скелетов этого животного под морскими россыпями, заросшими травой, всего лишь дали возможность тому же Брандту до последних мелочей исправить и дополнить показания Стеллера (7, с. 57).

То есть, говоря иначе, сомневаться в точности описания Г. Стеллером анатомии морской коровы не приходится. Однако мнение об исправлении «до последних мелочей» его показаний не совсем верно. И вот почему.

Дело в том, что, по оценке Г. Стеллера, длина туловища морской коровы достигала 4–5 фатомов (8–10 м, так как один фатом равняется 1,83 м). При этом во всех известных изданиях и переизданиях «Дневника плавания с Берингом» Г. В. Стеллера, созданных на основе белой копии (списка) с его черновой рукописи, указывается, что длина полового органа самца морской коровы составляет одну сажень (фатом).

Так, например, в американском издании «Дневника...» утверждается: «The male organ is like an ox's as concerns length and position; but in its shape and nature like a horse's, nearly a fathom long and with a sheath fastened under the navel» (14, p. 161). Почти то же самое говорится и в отечественных переводах этого американского издания: «Мужской орган сходен с бычьим по длине и строению; но по форме и природе он похож на лошадиный, имеет почти сажень в длину и оболочку, прикреплённую под пупом» (11, с. 129; 13, с. 139).

Однако поскольку в силу анатомического строения голова с шеей и хвост с плавником животного достигали практически половины общей длины его туловища, а размеры самок, судя по примеру моржей, сивучей, морских котиков и китов, были существенно – на метр-полтора – меньшими, то получается (если, конечно, всё сказанное о размерах полового органа самца морской коровы принять на веру), что длина фаллоса самца практически равна половине длины туловища самки. Из чего, в свою очередь, следует, что при таких пропорциях матка самок «капустницы» должна была бы располагаться не после желудка, а перед ним, в районе пищевода. А это явно не вписывается ни в какую анатомию.

То есть, как можно видеть, с описанием интимной анатомии сложилась весьма курьёзная ситуация. Выходом из которой может быть лишь признание того, что при переписке набело черновой рукописи «Дневника...» Г. Стеллера произошла подмена одной меры длины (фута), на другую (фатом, сажень). Причиной появления которой, в свою очередь, оказалось то, что в черновой рукописи «Дневника...» (как, скорее всего, и в других черновых материалах Г. Стеллера) вместо полного названия исходной меры длины – фута (foot, feet = 30,48 см) стояла буква «f», которую переписчики рукописи восприняли как синоним другой – фатома, фадема (fathom – 1,83 м) – меры длины.

Но могла ли произойти таковая подмена? Вполне. И вот тому достаточно убедительные, хотя и несколько косвенные, доказательства.

Так, например, говоря о высоте гор о. Беринга, С. П. Крашенинников, опираясь на данные перевода со «списка» черновой рукописи Г. Стеллера, пишет: «Самые высокие тамошние горы не выше двух вёрст в перпендикуле» (5, с. 183). То есть около 2 км, если вспомнить, что одна верста равна 1,0668 км, и что в одной версте содержится 500 сажень.

Эта же оценка повторяется и в материалах современных исследователей научного наследия Г. Стеллера. В том же, например, «Journal of a Voyage with Bering. 1741–1742» написано, что наибольшая высота гор о. Беринга не превышает 1000 фатомов (14, с. 173). А поскольку фатом равен 6 футам или 182,88 см, то и в этом исследовании высота гор также получается близкой к 2 км. Эти же оценки повторяются и в отечественных переводах с американского издания.

На самом же деле максимальная высота гор о. Беринга (г. Стеллера) составляет всего лишь 751 (4) или 755 (8). И эта более чем существенная разница между оценками высот поневоле побуждает задуматься над причиной её возникновения.

Сразу же отметим, что вины Г. Стеллера в этом нет и быть не может. Хотя бы потому, что, увидев с моря горный массив Святого Ильи (Северо-Западная Америка, высота 5 520 м), он однозначно заметил: «Я не помню, чтобы мне доводилось видеть более высокий хребет во всей Сибири или на Камчатке» (11, с. 35). Из чего следует, что зависеть высоту гор о. Беринга почти в три раза он никак не мог. Тем более не мог, что многие из этих гор он, что называется, «измерил собственными ногами». А потому единственно приемлемым объяснением этой ситуации является признание того факта, что при переписке рукописи дневника Г. Стеллера действительно произошла подмена футов на фатомы (сажени). Ибо стоит только вместо слова фатом подставить слово фут, как всё сразу же встаёт на свои места и высота гор о. Беринга станет соответствовать действительности – то есть 350–400 м в среднем.

Аналогичная ситуация наблюдается и при описании рек острова:

«Из минеральных вещей, которые на объявленном острове находятся, знатнейшими могут почитаться изрядные воды. Которые в рассуждении чистоты своей и лёгкости весьма здоровы; и сие их действие примечено на больных с пользою и желаемым удовольствием. Что же касается до их изобилия, то нет такой долины, по которой бы не текла речка, а всех их числом более шестидесяти, между которыми есть и такие, кои шириной от 8 до 12, а глубиною в прибылую воду до двух, а иные и до 5 сажень. Однако таких немного, но большая часть на устьях чрезмерно мелки: для того, что от крутого наклонения долин имеют они весьма быстрое течение, и близ моря разделяются на многие протоки», – пишет, например, по этому поводу С. П. Крашенинников (6, с. 139).

То есть, как можно видеть, ширина и, особенно, глубина самых крупных рек острова в изложении С. П. Крашенинниковым данных белой рукописи Г. Стеллера, достигают более чем зна-

чительных величин: 16–24 и 4–10 м, соответственно. Что абсолютно не отвечает реальности. Ибо, для сравнения, даже у такой, очень многоводной реки, как Нева, глубины в устьевой её части редко превышают 4–6 м.

Более того, говоря о р. Гаванке, С. П. Крашенинников пишет: «... а в самом мысу течёт речка, которая всех речек того острова больше. И в прибылую воду глубиною бывает до семи футов. Она течёт из великого озера, которое от устья её версте в полуторе» (6, с. 185).

Точно такие же (6–7 футов, или 1,8–2,1 м) данные о глубине р. Гаванки, а также о глубинах (от 2 до 5 фатомов) остальных рек острова приводятся и в уже упоминаемом американском переиздании стеллеровского дневника:

«In the bend itself is the mouth of a small river, which is the largest of all on this island and high tide in six to seven feet deep at its mouth. This river leads into the largest lake on this islands and becomes ever deeper from the sea to the lake, so that without much trouble one can reach the lake one and a half versts away from the sea through the river and remain there safely since the lake is surrounded on all sides by steep cliffs like walls that protest against all winds» (14, p. 178).

Но в таком случае получается, что глубина этой самой многоводной реки острова даже во время приливов не превышает 2,5 м, тогда как глубины гораздо меньших рек оцениваются указанными авторами от 4–5 до 8–10 м. При том, что на самом деле ширина русел абсолютного большинства рек острова составляет всего лишь 1–3 м в их средней, и около 5–8 м в устьевой части, где они растекаются по пляжу (8, с. 27). А их глубины если и достигают 1–1,5 м, то лишь в отдельных омутах, да в самых нижних частях русел, подпираемых морскими кошками.

Что же касается р. Гаванки, то в среднем её течении глубины действительно могут достигать 1,5–2,0 м. Однако это определяется не столько величиной (водностью) реки, сколько тем, что, протекая в тундрово-болотных отложениях прибрежно-морской равнины, она приобретает черты «куюла». То есть весьма специфического для Северо-Востока Азии водотока (от корякско-чукотского «куюл», «кууль» – глубокая вода), обладающего очень медленным течением, невысокими, но крутыми (до вертикальных и даже до отрицательных) торфяными берегами и глубоким (нередко большим его ширины) руслом. В устьевой же её части означенные глубины наблюдаются лишь во время прилива, что и отмечает Г. Стеллер.

Но коль скоро так, то резонно напрашивается вывод о том, что С. П. Крашенинников и О. У. Фрост попросту не придали значения невнятице с единицами измерения (в случае с р. Гаванкой – футы, а в случае с другими реками – фатомы и сажени), характеризующих глубину и ширину речных русел. Хотя кто-кто, но О. У. Фрост, зная размеры и конфигурацию самого острова, особенности его гидрографической сети (поперечное течение рек), а, отсюда, малую длину, ширину и глубину тамошних рек, вполне мог бы обратить внимание на несоответствие указанных показателей с реальной гидрографической обстановкой.

Не придали оба исследователя значения и факту измерения глубины устья просто огромной (758-километровой), по сравнению с реками о. Беринга, р. Камчаткой, произведённого в 1740 г. штурманом В. А. Хметевским: «А отправленный де от него, Елагина, штурман Василей Хметевской устье реки Камчатки вымеривал, которое де явилось по ево мере глубиною 7,5 футов, точию за таким маловодством построющимися для нашего вояжа пакетботами во оное устье войти невозможно, ибо оныя пакетботы, когда бывают в полном грузу, тогда свободной имеют ход на 9 и на 9,5 футов» (9, с. 214). А ведь только один этот факт однозначно ставит под сомнение правомерность мер длины, используемой в копиях и переложениях «Дневника».

Таким образом, при определении глубины и ширины рек о. Беринга также обнаруживаются более чем явные расхождения с ландшафтной обстановкой. Причём указанные разночтения относятся не к приводимым цифрам, а к используемым при этом мерам длины, поскольку стоит только к исходным цифрам подставить футы, как глубина и ширина рек острова станет полностью соответствовать действительности.

Однако и это ещё не последний случай подмены футов на фатомы, допущенной при интерпретации черновых материалов Г. Стеллера. Вот что, например, пишется в «Journal of a Voyage with Bering, 1741–1742» о снегопаде, случившемся на острове в начале апреля 1742 г.:

«On April, constable Roselius, assistant surgeon Betge, guard marine Sint, and a cossak left our dwelling as usual for a promysel. Toward evening such a violent storm came out of the northwest that no one could stay on his feet or see a step ahead. Moreover, the snow fell a fathom deep during the night, and we did not recall having experienced a more violent storm since our arrival on this island» (14, p. 152).

О снеге в сажень глубиной, выпавшем всего за одну ночь с первого на второе апреля 1742 г., говорится и в русском переводе переиздания этого варианта «Дневника» (12, с. 126).

На самом же деле таковой высоты снежный покров на острове достигает только ближе к концу зимы. Что, собственно, и отметил сам Г. Стеллер: «Обилие снега здесь такое же, как и на Камчатке. На равнинах его глубина достигает полутора сажений» (11, с. 118). Причём единовременное – в течение полусуток или суток – выпадение снега мощностью около одного фута (30–35 см) происходит на острове далеко не каждый год. Так что и в этом случае составители и редакторы переизданий стеллеровского «Дневника» также не сумели сопоставить приписываемые Г. Стеллеру ошибочные сведения с реальными природными условиями острова.

Итак, анализ описаний некоторых компонентов природы о. Беринга, приводимых в разных вариантах издания и переиздания «Дневника...» Г. Стеллера, показывает, что в них содержатся, по крайней мере, четыре случая подмены одной меры длины (футов) на другую (фатомы, сажени). Причём во всех этих случаях разночтения возникают не по поводу приводимых цифр, а именно относительно используемых мер длины. А потому, следуя неписаному правилу (раз – случайность, два – тенденция, три – закономерность, четыре – закон), остаётся лишь признать, что и казус с определением длины мужского органа морской коровы мог произойти только и только в результате подмены футов на фатомы, допущенной при переписи набело черновой рукописи стеллеровского «Дневника». И тем самым разрешить конфузную ситуацию с анатомией морской коровы.

1. Берзин А. А., Тихомиров Э. А., Трошин В. И. Исчезла ли стеллерова корова? // Природа. 1963. № 8.
2. Ваксмут Н. С. Заметка о костяке [скелете] морской коровы (*Manatus Stelleri* – *Stellerus borealis*) // Приамурские ведомости [Еженедельник газетного формата]. 1899. № 278. 25 апр.
3. Воронцов Н. Н. Почему морская корова сохранялась на Командорах? // Природа. 1973. № 11. С. 124.
4. Геология СССР. Камчатка, Курильские и Командорские острова. Т. XXXI. Ч. 1. М.: Недра, 1964. 734 с.
5. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов / отв. ред. акад. Л. С. Берг, акад. А. А. Григорьев и проф. Н. Н. Степанов. М.; Л.: Главсевморпуть, 1949. 841 с.
6. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. I. СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. 438 с.
7. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Часть II. Северо-Восток Сибири в естественно-историческом отношении. СПб.: ГеоГраф, 2004. 922 с.
8. Природные ресурсы Командорских островов (запас, состояние, вопросы охраны и использования) / под ред. акад. В. Е. Соколова и др. М.: Изд-во МГУ, 1991. 215 с.
9. Рапорт В. Й. Беринга в Сенат об описании берегов Камчатки штурманами И. Елагиним и В. А. Хметевским и начале строительства Петропавловского порта в Авачинской губе. 1741 г. апреля 22 // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII века.: сб. док. М.: Наука, 1984. С. 212–214.
10. Савинецкий А. Б. Вековая динамика численности морской коровы (*Hydrodamalis gigas zimm.*, 1780) в позднем голоцене // Доклады Академии наук. М., 1992. Том 326, № 3. С. 570–572.
11. Стеллер Г. В. Описание плавания из Петропавловска на Камчатке к западному побережью Америки, а также происшествий, имевших место на обратном пути // Последняя экспедиция Витуса Беринга / пер. с нем.; предисл. А. В. Шумилова; послесл. С. М. Епишкина, В. Н. Звягина; ред. и коммент. С. М. Епишкина. М.: Прогресс-Пангея, 1992. С. 47–132.
12. Стеллер Г. В. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки, 1741–1742 / ред., предисл. и коммент. докт. ист. наук А. К. Станюковича. М.: Изд-во «ПАН», 1995. 224 с.
13. Domming D. P., Thomason J., Corbet D. G. Steller's sea cow in the Aleutian islands. *Marine Mammal Science*, 2007. 23: 976–983.
14. Steller G. W. *Journal of a Voyage with Bering, 1741–1742*. Editor, with an introduction, by O. W. Frost. Translated by Margritt A. Engel and O. W. Frost. Stanford University Press, Stanford, California, 1988. 252 p.